

УДК 340

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИССИДЕНТОВ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Рассматриваются содержание и особенности норм правовых актов, которые применялись в СССР для репрессирования диссидентов в годы «застоя» (1960-е – 1970-е гг.). Акцент делается на анализе уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Отмечается, что по сравнению с периодом сталинского правления отношение советской власти к инакомыслящим заметно смягчилось, в частности, они уже не назывались «врагами народа». Вместе с тем в советских конституциях провозглашалась свобода слова, что входило в противоречие с составом преступления «антисоветская пропаганда и агитация». В этой связи, с учетом важности международных отношений, советской власти приходилось изыскивать «обходные» правовые способы для нейтрализации диссидентов.

Ключевые слова: диссиденты, советская власть, законодательство, инакомыслие, общественность, репрессии, тунеядство.

LEGAL LIABILITY DISSIDENTS IN THE SOVIET STATE

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The content and features of the application of the norms of legal acts that were used in the USSR to repress dissidents during the years of "stagnation" (1960s - 1970s) are considered. The emphasis is on the analysis of criminal and criminal procedural legislation. It is noted that in comparison with the period of Stalin's rule, the attitude of the Soviet authorities towards dissidents noticeably softened, in particular, they were no longer called "enemies of the people". At the same time, freedom of speech was proclaimed in the Soviet constitutions, which was in conflict with the corpus delicti of "anti-Soviet propaganda and agitation". In this regard, given the importance of international relations, the authorities had to find "workaround" legal ways to neutralize dissidents.

Keywords: dissidents, Soviet power, legislation, dissent, public, repressions, parasitism.

Диссидентство как неформальное движение граждан, продвигающих политико-экономические взгляды, не согласные с официальной трактовкой партийно-советской власти в СССР и полагавших необходимым проведение либерально-демократических реформ, в наибольшей степени проявило себя 1960-1970-е гг. – в годы так называемого «застоя». Диссиденты в случаях их активной инакомыслящей деятельности (публичные выступления, незаконное издание печатных материалов, в том числе за рубежом) подвергались преследованию со стороны власти. Однако при этом возникала определенная коллизия, связанная с тем, что согласно нормам советских конституций (как Конституции СССР 1936 г., так и Конституции СССР 1977 г.) провозглашалась свобода слова. С другой стороны, в административном и уголовном порядке преследовалась антисоветская пропаганда. И грань между свободой слова и ее использование в антиобщественных целях не всегда была очевидной. При этом нужно иметь в виду, что в указанный период уже не было откровенных и прямых преследований инакомыслящих, как в годы сталинского правления, когда их называли «врагами народа». Более того, с началом хрущевской «оттепели» (с конца 1950-х гг.) наблюдалось даже удивительное послабление цензуры, когда, например, власть санкционировала издание огромным тиражом «Одного дня Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» (1962 г.), где для общества приоткрывалась завеса на закрытую до того систему ГУЛАГа.

Однако вскоре инакомыслящие стали получать определенную популярность (Л. М. Алексеева, Ю.Т. Галансков, А. И. Гинзбург, И. А. Бродский, Ю. М. Даниэль, А.И. Солженицын, А.Д. Сахаров, А.Д. Синявский и др.), в том числе за рубежом. При таких обстоятельствах советская власть, вероятно, почувствовала, что это влияние может угрожать политико-идеологической стабильности в СССР с монопольно правящей КПСС, и решила применять к инакомыслящим ограничительные меры. Вместе с тем эти меры были, конечно, значительно мягче, чем раньше: «враги народа», «классовые враги» трансформировались в «диссидентов», о наказании в виде смертной казни за инакомыслящую деятельность уже не было и речи. Очевидно, что на такую позицию определенное воздействие оказывала позиция международной общественности, и СССР не мог ее игнорировать, учитывая, как отмечалось, провозглашение в советских конституциях демократических норм, и имея в виду нарастающий авторитет СССР в международных отношениях.

В таких условиях советская власть, уменьшив карательную составляющую, тем не менее достаточно твердо проводила линию по преследованию инакомыслящих, стремясь соблюдать действующие советские законы. Речь идет прежде всего о принятых в декабре 1958 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [1] и Законе СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [2]. Составы государственных преступлений и ответственность за их совершение регулировались вторым из отмеченных законом, но с применением первого. Данные составы довольно подробно исследованы в литературе (в числе авторов Т.К. Агузаров, А.Р. Ажиба, В.И. Доленко, Н.И. Загородников, А.А. Игнатьков, А.Р. Кошко, Е.В. Курицына, Ю.В. Николаева, Л.П. Рассказов, Д.А. Савченко, А.И. Чучаев и др.), в связи с чем остановимся лишь на некоторых аспектах, касающихся деятельности диссидентов.

Так, в правоприменительной практике в отношении диссидентов нередко применяли ст. 70 УК РСФСР 1960 г. [3] («Антисоветская агитация и пропаганда»). Состав данного преступления действовал долго, практически до распада СССР, при этом в УК РСФСР вносились некоторые коррективы и дополнения в данной сфере общественных

отношений. В частности, в 1966 г. было решено дополнить главу девятую УК РСФСР («Преступления против порядка управления» [4]) статьей 190.1 со следующей диспозицией и санкциями: «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания» [4] (лишение свободы до трех лет, или исправработы до одного года, или штраф до 100 рублей).

Данный состав (ст. 190.1) очень близок к ст. 70 УК РСФСР и его невключение в главу о государственных преступлениях может быть объяснен тем, что это могло бы повлечь еще большие, чем раньше, протесты международных организаций, поскольку диспозиция этой статьи во многих странах (большинстве) является обычной критикой действующего правительства и не является правонарушением. Кроме того, этой статьей советская власть, вероятно, пыталась на более ранних стадиях предотвращать более тяжкое деяние в виде антисоветской агитации и пропаганды. Указанные составы преступлений (ст. 70 и 190.1), как правило, и вменялись диссидентам за их собственно диссидентские действия. В иных случаях, когда власть не могла по каким-либо причинам привлечь диссидентов по ст. 70 и ст. 190.1, то использовался вариант, когда привлекалась «общественность» для обеспечения морального осуждения диссидентов и одновременно для поддержки решений власти, и диссиденты осуждались по другим составам преступлений и административных правонарушений (таких, например, как за тунеядство, хулиганство и др.); тем самым достигалась цель временного удаления диссидентов от их активной антисоветской деятельности [5, с. 322]. Если обратиться к статистике, то за период с 1956 по 1975 г. за диссидентскую деятельность было осуждено тысячи человек [6, с. 110].

Кроме того, стали активнее применяться и такие репрессивные меры, как высылка неугодных лиц за границу, административная ссылка внутри страны, помещение в психиатрическую больницу [7, с. 152-153], то есть, с начала 1960-х гг. власть решила более активно использовать административные методы. Речь идет о том, что в арсенал предупредительных мер включались нормы об ответственности за деяния, которые формально не являлись противогосударственными, и, кроме того, имели не уголовно-правовой, а административно-правовой характер. Так, 4 мая 1961 г. был принят Указ ПВС РСФСР [8], позволявший «неблагонадежных» лиц, которых посредством милиции и их общественных помощников превращали в «тунеядцев», отправлять подальше из крупных городов и прежде всего из столиц – с тем, чтобы они не имели возможности вести деятельность, близко подходящую к признакам антисоветской агитации и пропаганды (ст. 70 УК РСФСР). Одновременно тем самым власть подавала предупредительный сигнал диссидентам и избавляла себя от необходимости обострять ситуацию и возбуждать уголовное дело по указанной статье уголовного закона, поскольку последнее по мере расширения масштабов «холодной войны» все чаще становилось предметом критики советских властей на международном уровне.

При этом, однако, Указ от 4 мая 1961 г. по своему содержанию входил в некоторое противоречие с действующим законодательством в части производства по такого рода делам. С целью их разрешения ряд процессуальных вопросов был разъяснен в неопубликованном Постановлении ПВС РСФСР, датированном тем же числом [9]. Здесь содержалось, например, такое разъяснение: «материалы о лицах, привлекаемых по Указу, рассматриваются районным (городским) народным судом в судебных заседаниях в пятидневный срок. Общественный приговор о выселении рассматривается исполнительным комитетом районного (городского) Совета депутатов трудящихся в пятидневный срок. Если лицо, ведущее антиобщественный паразитический образ жизни, уклоняется от явки на суд или на собрание коллектива трудящихся, то оно с санкции

прокурора до суда или собрания может быть задержано органами милиции ... Лица, подлежащие выселению, направляются в специально отведенные местности под конвоем. Места поселения устанавливаются Советом Министров РСФСР с учетом возможности использования выселенных на работе в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Расходы по переезду к месту поселения производятся за счет государства ... Установить, что предусмотренные Указом выселение и конфискация имущества, добытого нетрудовым путем, являются мерами административного воздействия» [9]. Вместе с тем основной вопрос, связанный с тем, процедуры какого процесса применять – уголовного или административного – так и не был однозначно определен за весь период действия данного закона. Соответствующие подходы формировались правоприменительной практикой.

Характерным можно считать привлечение к ответственности писателя И. А. Бродского в 1964 г., которого формально судили за тунеядство, фактической же причиной были его стихи с антисоветским содержанием, которые, однако, не «дотягивали» до ст. 70 УК РСФСР. Тогда сторона обвинения привлекла несколько свидетелей из числа «простых» граждан. Один из них, некий Смирнов, он же председатель народной дружины Дзержинского района города Ленинграда, заявил на суде: «Я лично с Бродским не знаком, знаю про него из печати, но хочу сказать, что если бы все граждане относились к накоплению материальных ценностей, как Бродский, нам бы коммунизма долго не построить! ... Все говорили, что он умный и чуть ли не гениальный ... а почему никто не говорит, что у него много путаницы в голове? ... Его надо лечить принудительным трудом. А медицинскую справку, которая освободила его от военной службы, подвергаю сомнению. Я не медицина, но подвергаю сомнению!» [10]. А вот показания свидетеля Денисова: «Я работаю трубоукладчиком в УНР-20. Я Бродского лично не знаю. Я знаком с ним по выступлениям нашей печати. Я выступаю как гражданин и представитель общественности. Я после выступления газеты возмущен работой Бродского. Я захотел познакомиться с его книгами. Пошел в библиотеку – нет его книг. Спрашивал знакомых, знают ли они такого. Нет, не знают ... Может, он талантливый, но почему он не работает?» [10, с. 59]. Очень агрессивно был настроен свидетель Николаев, пенсионер: «Бродский не просто тунеядец. Он воинственный тунеядец. С людьми, подобными Бродскому, надо действовать без пощады! ... А стихи у него позорные и антисоветские!» [10, с. 60]. На вопрос Бродского привести хотя бы одну строчку их стихов, последовала реплика судьи: «цитировать нельзя». Приведенные и другие суждения отражали общественное сознание большей части жителей СССР.

Бродский в итоге был направлен из Ленинграда в административную ссылку в Архангельскую область сроком четыре на 4 года. До суда он получил несколько предупреждений – за то, что не занимается общественно-полезным трудом, затем по ходатайству органов внутренних дел по месту жительства материалы на него были направлены в суд как на тунеядца. Здесь власть получила, как она полагала, два «плюса»: во-первых, диссидент был удален из активной общественной жизни в Ленинграде, а, во-вторых, ссылка была определена открытым судом, где у Бродского был адвокат, и сам он имел возможность защищать себя, то есть «демократия» была соблюдена. Этот метод, правда, при несколько измененном законодательстве, будет активно применяться властью и в дальнейшем. Так, в 1980 г. был выслан из Москвы в г. Горький академик Сахаров, при этом, однако, его не посмела выставить как тунеядца, и академик, трижды Герой соцтруда, был выслан отдельным Указом ПВС СССР за активную антисоветскую деятельность (непосредственным поводом послужила его критика ввода советских войск в Афганистан в 1979 г.). При этом, как и в сталинские времена, принципиальное решение принималось в Политбюро ЦК КПСС.

Что касается уголовного судопроизводства, то здесь также наблюдались изменения по сравнению с периодом сталинского времени. Так, диссидент В. Игруновым [11] в 1975 г. обвинялся по ст. 187 УК Украинской ССР (тот же состав, что и 190.1 УК РСФСР). Суд над Игруновым состоялся в марте 1976 г. и длился 3 дня. В нелегальном диссидентском издании «Хроники текущих событий» литературе сообщаются, в частности, следующие детали, характеризующие уровень уголовно-политического судопроизводства середины 1970-х гг. Самого Игрунова не было в суде, так как он был признан невменяемым, и суд должен был выяснить наличие состава «преступления» и решить, в общей или тюремной больнице его следует лечить. Были заслушаны свидетели и эксперт-психиатр Азаматов из Москвы, который предложил суду перенести заседание на следующий день, поскольку он хочет еще раз поговорить с Игруновым, так как предыдущая экспертиза состоялась более полугода тому назад. Суд согласился. На следующий день Азаматов сказал в суде, что он поговорил с Игруновым и убедился, что тот находится на пути к выздоровлению и поэтому целесообразно назначить лечение не в тюремной, а в общей больнице. Суд вынес приговор на основании мнения этого эксперта, в то время как сторонники Игрунова ожидали, что суд направит его в тюремную, более закрытую от общества больницу [11]. Такое решение суда диссидент П. Бутов объяснял тем, что в середине 1970-х гг. наблюдалась некая «полусвобода», причиной которой было то, что тогда, в 1975 г., состоялось крупное международное событие - были заключены известные Хельсинкские соглашения, и СССР не хотел скандала, учитывая, что дело получило международный резонанс [12].

Следует заметить, что применительно к диссидентам в целом соблюдались основные уголовно-процессуальные нормы, предусмотренные УПК РСФСР 1960 г. Этот закон уже не предусматривал внесудебных структур, то есть процессуальное законодательство, безусловно, было определенным образом демократизирован. Но все же оно содержало присущие советскому государству негативные нормы, и прежде всего это касалось запрета обвиняемому иметь адвоката с момента предъявления обвинения, в результате чего обвиняемые, содержащиеся под арестом, имели возможности получать юридическую поддержку только после окончания следствия, оставаясь до этого времени во власти следствия. Как бы ни было, но такого рода советское законодательство позволило к началу 1980-х гг., когда КГБ возглавлял Ю.В. Андропов, в основном нейтрализовать диссидентское движение в СССР – с точки зрения прекращения инакомыслящими активной деятельности на территории советского государства. Однако через несколько лет, в 1985 г., началась известная горбачевская «перестройка», закончившаяся распадом СССР в 1991 г., и диссиденты, еще недавно считавшиеся правонарушителями, перестали быть таковыми.

Список литературы:

1. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25. 12. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.
2. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 8.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. М., 1961.
4. Указ ПВС РСФСР от 16.09.1966 г. «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1038.
5. Ильин И.С. Политика реагирования на протестные движения как основа предупреждения демонстративно-протестных преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 320-328.

6. Савельев А.В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 109-120.
7. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: ЮЦ Пресс, 2002. 383 с.
8. Указ ПВС РСФСР от 04. 05.1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости ВС РСФСР.1961.№ 18. Ст. 273.
9. Постановление ПВС РСФСР от 04.05.1961 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2023 г.).
10. Суд над И. Бродским. Минск-М.: Полифакт, 1997. 1052 с.
11. Хроника текущих событий. 1977. Вып. 40 / https://royallib.com/book/brodskiy_iosif/sud_nad_iosifom_brodskim.html (дата обращения: 28.02.2023 г.).
12. Бутов П. Суд над Игруновым // Вячеслав Игрунов: персональный сайт / <http://www.igrunov.ru/> (дата обращения: 23.02.2023 г.).

References:

1. Fundamentals of the criminal legislation of the USSR and the Union republics of 25. 12. 1958 // Bulletin of the USSR Armed Forces. 1959. No. 1. Art. 6.
2. Law of the USSR of December 25, 1958 "On criminal liability for state crimes" // Bulletin of the USSR Armed Forces. 1959. No. 1. Art. 8.
3. The Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960, M., 1961.
4. Decree of the PVS of the RSFSR of September 16, 1966 "On introducing an addition to the Criminal Code of the RSFSR" // Vedomosti of the RSFSR Armed Forces. 1966. No. 38. Art. 1038.
5. Ilyin I.S. The policy of responding to protest movements as a basis for preventing demonstrative protest crimes // All-Russian Journal of Criminology. 2022. V. 16. No. 3. S. 320-328.
6. Saveliev A.V. Political originality of the dissident movement in the USSR in the 1950s-1970s // Questions of history. 1998. No. 4. S. 109-120.
7. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. Political justice in the USSR. St. Petersburg: Yuts Press, 2002. 383 p.
8. Decree of the PVS of the RSFSR of 04.05.1961 "On intensifying the fight against persons who evade socially useful work and lead an antisocial parasitic lifestyle" // Bulletin of the RSFSR Supreme Council. 1961. No. 18. Art. 273.
9. Decree of the PVS of the RSFSR of May 4, 1961 "On the procedure for applying the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR "On intensifying the fight against persons who evade socially useful work and lead an antisocial parasitic lifestyle" // ATP "ConsultantPlus" (date of access: 01/30/2023).
10. The trial of I. Brodsky. Minsk-M.: Polifact, 1997. 1052 p.

11. Chronicle of current events. 1977. Issue. 40 /
https://royallib.com/book/brodskiy_iosif/sud_nad_iosifom_brodskim.html (accessed 28.02.2023).
12. Butov P. Trial of Igrunov // Vyacheslav Igrunov: personal website /
<http://www.igrunov.ru/> (date of access: 23.02.2023).